

Третий тип представлен прилагательными, основой метафоризации которых является субстантивное сочетание: белогривые облака, белопенные волны, белоперая туча, белорунные волны, черногрудые тучи, желтобарашковая лоза.

Своеобразие творческой манеры М. Шолохова определяется не только количественными соотношениями (большей или меньшей употребительностью метафор описанного типа), но и тем, что метафоры опираются в своем большинстве на фольклор, творчески используются принципы построения народно-поэтической метафоры (маково-красная Дуняшка).

Еще рельефнее связь с фольклорными принципами образования сложных прилагательных выступает в тех случаях, когда метафоризация осуществляется на основе субстантивного словосочетания (черногрудые тучи).

Стремление достичь предметной «освязаемости» слова объясняется тем, что метафоры М. Шолохова, как правило, непосредственно связаны с основными номинативными значениями слов, принадлежащих к конкретно-предметной лексике.

Эта же тенденция прослеживается в отношении прилагательных, сочетающихся с необычными для них словами: пшеничные усы, черноземно-черное небо, вороной петух, вороное небо, русая полоска жнивья.

Художественной манере М. Шолохова в романе «Тихий Дон» обычно свойственна предварительная подготовка читателя к восприятию той или иной оригинальной метафоры. Например, «пшеничные усы», т. е. усы цвета пшеничной соломы. Использованию этой метафоры предшествует сложное сочетание со словом цвет — «пшеничного цвета волосы» (II, 13). Прямое указание на этот цвет дается и во второй части сложного прилагательного — «пшенично-желтые усы» (II, 70); в дальнейшем слово «пшеничный» дается без всяких пояснений (просто — пшеничные усы).

Метафоры, которые стали привычными, встречаются в романе редко: золотые потоки света, золотые зарницы, серебряная лента Дона, серебряная кромка полыни.

В художественной манере М. Шолохова наблюдается тенденция к использованию более свежих изобразительных средств, например предложений, в которых большая выразительность достигается новизной сочетаний слов — желтое, как цветок подсолнуха, солнце; янтарно-желтый полдень.

Материал для создания метафор Шолохов черпает из слов, значение которых тесно связано со спецификой изображаемой им реальности — воронья борода, гнедовая бородка, пшеничные усы, белогривые облака, желтобарашковая лоза, белорунные волны и т. п.

За этими метафорами кроется тонкое и глубокое знание казачьей жизни и быта, придающее произведению подлинную художественную убедительность.

Редкостная точность наблюдений и умелый выбор наиболее характерных признаков углубляет понимание всего уклада изображаемой писателем жизни.

д) «Смысл слов в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением»⁶.

М. Шолохов употребляет слово «голубой» сразу в двух значениях: прямом, цветовом, и переносном — радости, покоя, невозможного счастья: «Подпрыгнув в седле, Силантьев падал, ловил, обнимал руками голубую даль...» (II, 336); «Голубым солнечным днем проплывало в несвязанных воспоминаниях детство» (IV, 276); «Голубая и недоступная прядка леса» (II, 235) для Григория кусочек родного края, из которого увозил его эшелон; «Голубым видением» (IV, 356) вставали вдаль отроги меловых гор перед казнью Ивана Алексеевича; «Голубая даль» (II, 336), «Голубой утренний мир» (V, 12), «Голубая пряжа июльских дней» (II, 287), «Голубой

⁶ Виноградов В. В. Русский язык в современном мире. МГУ, 1968, с. 230.